

О СУЩНОСТИ СУЩЕГО: УЧЕНИЕ СВЯТИТЕЛЯ ГРИГОРИЯ БОГОСЛОВА

Андрей Царенок,

*к. филос. н., доцент Национального университета
«Черниговский колледж» имени Т. Г. Шевченко,
преподаватель Черниговского духовного училища,
студент Харьковской духовной семинарии*

Согласно учению Церкви, необходимым условием достойного стремления человека к Богу выступает искреннее исповедание им важных вероучительных истин. Не только вера в Божество, но также и правильные понятия о Нем являются одной из неизменных основ истинного духовного восхождения. Отступление от догматической Традиции, ее сознательное или несознательное искажение пагубно сказываются на поисках Горнего: достижения пренебрегающего церковным опытом Богопознания становятся, по меньшей мере, сомнительными. Безусловно, *«вера без дел мертва»* (Иак. 2:26), но в то же время и *«без веры угодить Богу невозможно»* (Евр. 11:6), – учит Священное Писание. Вера же вне связи с благочестивыми представлениями о Творце и Промыслителе мира способна сильно навредить человеку, расстраивая жизнь его духа и обесценивая все его внешне вполне праведные свершения.

Христианское учение о Божестве основано на собственно богооткровенных истинах, утвержденных и проповеданных Пророками, Апостолами, а также их преемниками в пастырских трудах и богословии – Отцами Церкви. Одна из наиболее важных вероучительных истин такого рода заключена в предельно кратких и, вместе с тем, неизмеримо глубоких по смыслу словах Бога о Самом Себе – *«Я есмь Сущий»* (Исх. 3:14).

Признавая и исповедуя Господа Сущим, христианские теологи разных эпох нередко соединяют учение о Всесовершенном Бытии (Сверхбытии) с учением о непостижимой как для человеческого, так и для ангельского разума Сущности Творца *«небу и земли, видимым же всем и невидимым»*.

«Богословская аксиома “Бог есть Сущий” – “Бог *есть*” – используется как дарованное Свыше средство отчасти приоткрыть завесу величайшей тайны – *что* (или же лучше – *Кто*) именно есть Бог... Идея о Сущем ... выступает фундаментом для важных богословских обобщений, своеобразным “плацдармом” для дальнейшего “наступления” богословской мысли, посвятившей себя области догматики» [8, с. 86].

Бесспорно, подобное «наступление» теологии должно совершаться с крайней осторожностью. В размышлениях о Сущности Творца совершенно неуместен гносеологический оптимизм (а по сути, гносеологическая гордыня) в духе печально известного Евномия (IV ст.), считавшего себя постигнувшим эту Абсолютную Сущность. Добродетель смирения, необходимая в жизни каждого верующего, особо необходима истинному богослову, размышляющему о превосходящем способности любого тварного разума Естестве.

Однако «теология смирения» (так можно с уверенностью назвать апофатическое богословие) не исключает и «теологии дерзновения» – богословия катафатического, любомудрого и уравновешенного стремления составить наиболее правильное представление о Боге с помощью тех или иных положительных понятий. Правильное настолько, насколько это возможно для сотворенного разума, осознающего, с одной стороны, свои неоспоримые дарованные Творцом преимущества, а с другой, – свою неоспоримую немощь, неспособность всецело постигнуть Творца; для разума, дерзающего задуматься о Тайне и, в тоже время, смиренно и благоговейно преклоняющегося перед Её Величием.

Яркий пример успешного сочетания «богословия дерзновения» и «богословия смирения» в учении о Сущности Сущего мы находим в духовном наследии выдающегося иерарха Православной Церкви святителя Григория Богослова (†389), одного из Великих каппадокийских подвижников благочестия и благоверия.

В патристике христианского Востока, одним из непоколебимых «столпов» которой является Григорий, безусловно, господствует дух апофатизма [см.: 1, с.

67]. Так, представители византийской теологической традиции постоянно признавали, «что человеческий интеллект, человеческий язык неадекватны, если речь идет о выражении полноты Истины, из-за чего положительные богословские утверждения о Боге должны все время уравниваться коррективами апофатического богословия» [5, с. 25], – указывает патролог прот. И. Мейендорф.

Весьма показательными с этой точки зрения выступают размышления преподобного Симеона Нового Богослова (†1021). Преобладание апофатизма в них выразительно и недвусмысленно. Знаменитый проповедник духовного подвижничества подобно иным Отцам Церкви глубоко убежден в ограниченности нашего разума. Даже используя истины Откровения, человек не должен забывать о своей принципиальной неспособности постигнуть Сущность Творца. «Никак невозможно человеческому уму понять и окачествовать каким-либо именем то, что не есть что-либо из сущего [то есть, существующего в сотворенном мире – прим. А. Ц.], – поучает Симеон. – И все Божественное Писание всеми содержащимися в нем о Боге мыслями и речениями представляет только, что Бог **есть**, а не то, **что** Он есть. И то еще явно открывает оно о Боге, что Он всегда есть, и что Бог Сый и присно Сый есть Триипостасен, Всемогущ, Вседержитель, Всевидец, Творец и Промыслитель всяческих, вседовольный, преестественный, и что Он столько познается нами, сколько может кто увидеть безбрежного моря, стоя на краю его ночью с малой в руках зажженной свечой. Много ли... увидит этот из всего того безбрежного моря? Конечно, малость некую, или почти ничего» [6, с. 335].

На наш взгляд, приведенная цитата из поучений Симеона Нового Богослова заслуживает внимания не только как образец богословского утверждения, в котором доминирует сознательно и четко сделанный апофатический акцент. Как можно понять из ее замечательного по художественной образности и глубине смысла завершения, мыслитель-подвижник, исповедуя непостижимость Творца, все же не отказывает человеческому разуму в возможности достигнуть определенного преуспевания в

познании Всевышнего. Вне всякого сомнения, это преуспеяние неизмеримо малó: Сущность Бога продолжает оставаться для человека Тайной. И, тем не менее, преподобный Симеон не отрицает, что *ничто* – «малость некая или почти ничего» – может быть постигнуто разумом, упражняющимся в Богопознании.

Следует признать, что «малость некая» и является итогом богословских изысканий катафатического направления. Ортодоксальная «теология дерзновения», избегая недооценки собственных выводов, в то же время не претендует на свою исключительность и непревзойденность. Она всегда, так или иначе, оказывается в роли «детоводителя» к апофатическому богословию, смиренно склоняясь перед «теологией смирения» и принося ей в дар все свои достижения.

О познании упомянутой «малости некой» как о весомом и в то же время ограниченном свершении человеческого разума, стремящегося с помощью Откровения постигнуть Сущность Божества, по сути, и ведет речь святитель Григорий Богослов в своих размышлениях, посвященных Божьему имени *Сущий*.

Дух святоотеческого апофатизма закономерно утверждается и в богословии Великого каппадокийца. Преуспевший в изучении многих наук иерарх искренно исповедует свою немощь, когда касается вопроса о Богопознании. Убеждение в неизреченном превосходстве наивысшего предмета постижения чудесно выражено в стихотворении Григория «Об Отце»: «Знаю, что на непрочной ладье пускаюсь в дальнейшее плавание или на малых крыльях уношусь к звездному небу – я, в котором родилась мысль открыть Божество, или определения великого Бога, и ключ для всего, тогда как и небесным умам недостает сил возблагодарить пред Богом, сколько должно». Однако смиренный богослов, уповая на благосердие Творца, все же решается на подвиг размышления о Нем и на проповедь Его Величия. «Впрочем, поскольку Божеству часто бывает приятен дар не столько полной, сколько угодной Ему, хотя и скудной, руки, то смело изреку слово» [3, с. 11], – продолжает благовествовать подвижник-поэт, при этом указывая и на исходный принцип

«теологии дерзновения» – надежду познающего на милость и снисхождение Познаваемого.

Безусловно, подобное богословское дерзновение чуждо духа псевдобогословского «всезнайства». Вынужденный бороться, в частности, с ересью евномианства святитель Григорий исповедует и проповедует непознаваемость Творца. «... Божество непостижимо для человеческой мысли и мы не можем представить Его во всей полноте» [2, с. 41]; «Бога, как Он есть по естеству и сущности, никто из людей никогда не находил и, конечно, не найдет [прежде окончательного единения с Ним – прим. А. Ц.]... А что в нынешней жизни достигает до нас, есть тонкая струя и как бы малый отблеск великого света» («Слово 28. О богословии второе») [2, с. 49], – учит Великий каппадокийский мыслитель.

Непостижимое невозможно наименовать, то есть дать ему название, полностью соответствующее его сущности. В письме к монаху Евагрию святитель Григорий высказывает мысль, что умопостигаемое, хотя и имеет много имен, все же «выше всякого наименования», так как «для умосозерцаемого и бесплотного нет ни одного собственного имени». Человек не в силах наименовать собственно то, чего он совершенно не способен уловить своими чувствами. Это касается даже тех сущностей, которые занимают низшие места во всемирной иерархии незримого, к примеру, – недоступной для внешних чувств души. «А если и последние из умосозерцаемых... не имеют собственных имен, то как можно сказать, что собственными именами называются такие предметы, которые в ряду умосозерцаемых суть первые и даже выше умосозерцаемого?» [3, с. 559–560] – риторически вопрошает богослов.

Такое убеждение ещё более усиливает дух апофатизма, утверждающийся в творениях святителя Григория. Великий каппадокиец продолжает последовательно сокрушать основы учения евномиан, неопровержимо доказывая его несостоятельность. Неспособность человека даже достойным образом наименовать своего Творца также является указанием на Его абсолютное превосходство и непостижимость. «Божество именуемо... Как

никто и никогда не вдыхал в себя всего воздуха, так ни ум не вмещал совершенно, ни голос не обнимал Божией сущности» [2, с. 118–119], – поучает паству византийский мыслитель.

И все же, – признает Григорий Богослов, – наименования невидимого и бесплотного обладают определенной ценностью: «употребление имен полезно по необходимости, так как оно ведет нас к составлению понятия о предметах умосозерцаемых...» [3, с. 560].

Это признание является ещё одной из важных составляющих «теологии дерзновения» святителя. Бог выше всех наименований, однако, «яко Благ и Человеколюбец», Он дарует человеку некие необходимые знания о Божественном, сообщая те или иные Свои имена и благословляя использовать их в молитве, богословии, проповеди.

Творение должно обладать правильным понятием о Творце. Такое понятие, конечно же, будет бесконечно далеким от совершенства: «заимствуя некоторые черты из того, что окрест Бога, составляем мы какое-то неясное и слабое, по частям собранное из того и другого представление...» [2, с. 119], – размышляет Григорий. Но и подобного рода представление востребовано и душеполезно. Тем очевиднее значимость Божьих имен, которым отведена важная роль в составлении должного понятия о Всевышнем.

Благодаря милости Всеблагого Творца, человечеству стали известны и самые примечательные из Его наименований – *Сущий* и *Бог*. Григорий Богослов рассуждает о них с показательной осторожностью, не выходя за грань «теологии смирения», и, в то же время, дерзновенно подчеркивает их впечатляющее превосходство. По мнению иерарха, насколько для нас доступно познание, эти имена являются *некоторым образом наименованиями Божьей Сущности*. Среди них первенство принадлежит имени *Сущий*: «особенно же таково имя Сущий, не потому только, что Вещавший Моисею на горе... Сам нарек Себе это имя ..., но и потому, что наименование это находим наиболее свойственным Богу». Размышляя об имени, «которым бы выразалось естество Божие, или самобытность, и бытие, ни с чем другим не связанное», Григорий Богослов с

довольно очевидной уверенностью признает неоспоримые преимущества наименования, открытого роду человеческому через пророка Моисея. Оно, – указывает архипастырь, – «действительно принадлежит собственно Богу и всецело Ему одному, а не кому-либо прежде и после Него, потому что и не было и не будет чем-либо ограничено или пресечено» («Слово 30. О богословии четвертое, о Боге Сыне второе») [2, с. 120].

В своей проповеди, посвященной Богоявлению, святитель вновь обращает внимание на глубину смысла имени *Сущий*. Существование Пресвятой Троицы вечно. Творец «всегда есть»; Он именует Себя *Сущим*, поскольку «сосредоточивает в Себе Самом всецелое бытие, которое не начиналось и не прекратится». Развивая эту мысль, Григорий Богослов, подобно другим Святым Отцам, излагает свои рассуждения с помощью образности: его выбор останавливается на образе бескрайнего моря (использованном, в частности, и Симеоном Новым Богословом в приведенном выше размышлении о неизреченной Сущности Господа). Согласно Григорию, *Сущий* может быть уподоблен морской стихии. «Как некое море сущности, неопределимое и бесконечное, простирающееся за пределы всякого представления о времени и естестве, одним умом (и то весьма неясно и недостаточно, не в рассуждении того, что есть в Нем Самом, но в рассуждении того, что вокруг Него), через набрасывание некоторых очертаний, оттеняется Он в один какой-то облик действительности, убегающий прежде, нежели будет уловлен, и ускользающий прежде, нежели будет представлен умом...» («Слово 38. На Богоявление, или на Рождество Спасителя») [2, с. 168].

Очевидно, что, любомудрствуя таким образом, святитель Григорий снова проявляет достойную подражания осторожность. В размышлениях о «море сущности» явно преобладает дух «теологии смирения», стремление умерить пытливость человеческого разума, а также в очередной раз воспеть превосходящую этот разум Величайшую Сущность.

Даже указывая на значение Божьего имени *Сущий* для составления правильных понятий о Божестве, Григорий Богослов избегает крайности в своих

суждениях. Его «теологическая смелость» сопряжена со смиренномудрием и рассудительностью. Святитель знает о пределах дерзаний разума – пределах, хорошо ощущаемых богословием христианского Востока.

Закаленная в борьбе с евномианским «культом интеллекта», православная догматическая традиция избегает переоценки доступных человеку знаний о Божестве, в том числе и знаний, получаемых благодаря размышлению о наименовании *Сущий*. Например, знаменитый современник и соратник Григория Богослова святитель Григорий Нисский († после 394) убежден, что даже это богооткровенное имя не именуется естество Творца. «И более того, – именно это имя всего более свидетельствует о неименуемости и безыменности Божией. Ибо это бескачественный и тем самым ничего не выражающий предикат» [7, с. 198], – так пересказывает умозаключения Нисского архипастыря патролог прот. Г. Флоровский.

Преподобный Иоанн Дамаскин († ок. 780) также не склонен преувеличивать значение выводов человеческого разума, знающего о Господе как о *Сущем*. С одной стороны, выдающийся догматист (опираясь, в частности, на творения Григория Богослова), обращает внимание на особенную важность смысла, заключенного в этом имени. Как размышляет автор «Точного изложения православной веры», «кажется, что из всех имен, приписываемых Богу, более главное – *Сый* [Сущий]... . Ибо, все совместив в Себе, Он имеет бытие, как бы некоторое море сущности – беспредельное и неограниченное» [4, с. 40]. Однако, – утверждает принципы «теологии смирения» Дамаскин, – и это наименование не раскрывает Сущности Творца: оно «показывает, что Он *существует*, а не то, *что* Он есть» [4, с. 41].

Святитель Григорий Богослов, как уже неоднократно указывалось, остается верным духу той же преимущественно апофатической теологической традиции. Исповедуя Бога Сущим, мыслитель хорошо осознает, что существование Творца неизмеримо превосходит существование творения, разительно отличаясь от него. Бытие сотворенного мира, в том числе, и человека, является лишь неким подобием вечного бытия Троицы. Их сравнение должно

быть предельно осторожным. По крайней мере, к таким выводам относительно убеждений Григория можно прийти, знакомясь с его поучениями, а также с его стихотворением «О человеческой природе». «Я существую. Скажи: что это значит?» – вопрошает Великий каппадокиец. Следует признать, что земное существование человека – это непрерывное существенное изменение его сущности, его «Я». «Иная часть меня самого уже прошла, иное я теперь, а иным буду, если только буду. Я не что-либо непременно, но поток мутной реки, который непрерывно притекает и ни минуты не стоит на месте. Чем же из этого назовешь меня? Что наиболее, по-твоему, составляет мое я? Объясни мне сие; и смотри, чтобы теперь этот самый я, который стою перед тобой, не ушел от тебя. Никогда не перейдешь в другой раз по тому же потоку реки, по которому переходил ты прежде. Никогда не увидишь человека таким же, каким видел ты его прежде» [3, с. 114], – размышляет Григорий Богослов, напоминая античного философа Гераклита Эфесского (втор. пол. VI – нач. V ст. до Р. Х.), известного своим афоризмом «Все течет, все изменяется».

Однако Бог существует иным, совершеннейшим образом: Он принципиально неизменен. Кроме того, Его бытие, в отличие от нашего бытия, беспредельно: оно никогда не начиналось, не прерывалось и никогда не закончится. Благочестиво размышляя о том, что составляет Сущность естества Творца, мы убеждаемся в Его безначальности, бессмертности, нетленности, в Его исключительной вечности. Бог – *Сущий* *par excellence*. В этом состоит глубокий и священный богословский смысл откровенного имени *Сущий*. Однако, раскрыв этот смысл настолько, насколько это возможно в земной жизни и, таким образом, сделав очередной важный шаг на пути составления верного понятия о Божестве, следует смиренно остановиться в своих размышлениях: «Божество беспредельно и неудобосозерцаемо. И лишь это одно в Нем постижимо – Его беспредельность...» [2, с. 169].

Учение святителя Григория Богослова о Сущности Сущего является замечательным образцом должного взаимодействия апофатического и катафатического богословия, примером их плодотворной синергии. Знание о

наименовании *Сущий* окрыляет «теологию дерзновения» Великого каппадокийца, вдохновляет ее на поиски смысла, заключенного в этом важнейшем Имени. Проявляя рассудительную смелость, Григорий делает вывод о том, что открытое человечеству через пророка-Боговидца Моисея наименование Творца действительно некоторым образом указывает на Его Сущность, выступает именем, наиболее свойственным Богу как Вечному и Беспредельному – *Тому, Кто всегда есть*. Человеческий разум с благоговением приближается ко Святой Святыни Истины и дерзает слегка приоткрыть ее завесу. Он наслаждается «малым отблеском великого света» – «малостью некой» – и ... убеждается в непостижимости Тайны Вечного Естества, ослепляется Ее неизреченным сиянием. Благочестивое дерзновение богослова еще более утверждает в его душе восхищение Превосходящим разум. Итак, правильное взаимное действие двух способов размышления о Божестве возможно лишь при преобладании «теологии смирения» – этот принцип богословия Святых Отцов закономерно характерен и для любомудрого исследования святителя Григория.

Нельзя обойти вниманием и то обстоятельство, что, исповедуя непостижимость Творца, Великий каппадокийский подвижник стремится ответить на следующий вопрос: почему Бог, с одной стороны, дает человеку возможность познать о Себе нечто, но, с другой, – все же остается, по сути, совершенно непознаваемым? Как кажется святителю Григорию, в этом проявляется особое попечение Всеблаготворительной Троицы о человеке, о его духовном совершенствовании. Постигаемым Господь привлекает к Себе, ведь «совершенно непостижимое безнадежно и недоступно». Что же касается непостижимого, то оно призвано приводить человека в удивление, являющееся важным условием восхождения ко Творцу. Благодаря такому удивлению у человека появляется бóльшее желание общения с Богом, а через желание быть со Всевышним его душа приводится к очищению. Через очищение же Господь стремится сделать Своих искателей подобными Себе, «а когда сделаемся такими, уже беседовать как с вечными... – беседовать Богу, вступившему в единение с

богами и познанному ими, может быть настолько же, насколько Он знает познанных Им (1 Кор. 13:12)» [2, с. 168–169].

Как видно из этих слов, святой Григорий, вспоминая обнадеживающее обетование Апостола Павла, все же не исключает возможности познания человеком Сущности Божества или, по крайней мере, возможности неизречно бóльшего преуспевания в таком познании. Безусловно, архипастырь имеет в виду не простое умопостижение, помогающее людям в их земной жизни, но Богопознание, совершаемое преображенной личностью праведника по милости Величайшей Причины его преображения и обожения – Самого Сущего. Верование Григория необходимо сочетается со нравоучением: путь истинного духовного подвижничества является главным средством единения с Богом и постижения тогó ныне сокровенного, которое Он Сам стремится открыть человеку. Это искреннее убеждение святителя Григория Богослова также закономерно и всецело соответствует «духу и литере» учения Святых Отцов Церкви и Ее Божественного Основателя, учащего, что *«никтоже знает Сына, токмо Отец; ни Отца кто знает, токмо Сын, и емуже аще волит Сын открыти»* (Матф. 11:27).

Список использованных источников:

1. Василий (Кривошеин), мон. Аскетическое и богословское учение святого Григория Паламы / монах Василий (Кривошеин) // Журнал Московской Патриархии. – 1986. – № 3. – С. 67–70.
2. Григорий Богослов, св. Избранные творения / Святитель Григорий Богослов. – Изд. 2-ое. – М. : Издательство Сретенского монастыря, 2010. – 400 с. – (серия “Духовная сокровищница”).
3. Григорий Богослов, св. Творения : в 2-х т. / Святитель Григорий Богослов. – М. : Сибирская Благовонница, 2007. – Т. 2 : Стихотворения. Письма. Завещание. – 944 с. – (Полное собрание творений святых отцов Церкви и церковных писателей в русском переводе; т. 2).
4. Иоанн Дамаскин, преп. Точное изложение православной веры / Преподобный Иоанн Дамаскин. – М. : Отчий дом, 2011. – 480 с. – (Серия “Святоотеческое наследие”).
5. Мейендорф И., прот. Византийское богословие. Исторические тенденции и доктринальные темы / протоиерей Иоанн Мейендорф ; [пер. с англ. В. Марутика]. – Мн. : Лучи Софии, 2001. – 336 с.
6. Симеон Новый Богослов, преп. Слова и гимны : В 3-х книгах / Преподобный Симеон Новый Богослов. – М. : Сибирская Благовонница, 2011. – Кн. 2. – 719 с.

7. Флоровский Г., протоиерей. Восточные отцы Церкви / протоиерей Георгий Флоровский. – М. : АСТ, 2005. – 633 с. – (Philosophy).
8. Царенок А. Онтологизм христианского богословия / Андрей Царенок // Матеріали II Міжнародної науково-практичної конференції «Актуальні питання богослов'я та історії Церкви» (до 1030-річчя Хрещення Київської Русі, 25-річчя канонізації Слобожанських новомучеників та 25-річчя відновлення духовної освіти на Слобожанщині), 9 жовтня 2018 р., м. Харків. – Харків : ХДС, 2018. – С. 83–88.